

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44
У13

J.A. White
THE THICKETY: THE LAST SPELL

Text copyright © 2017 by J.A. White
Illustrations copyright © 2017 by Andrea Offermann
Published by arrangement with HarperCollins Children's Books,
a division of HarperCollins Publishers
All right reserved

Уайт, Дж.Э.

У13 Паучья Королева / Дж.Э. Уайт ; иллюстратор Андреа Офферманн ; [перевод с английского А. С. Хромовой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 336 с. : ил. — (Заколдованный лес. Фэнтези для подростков).

ISBN 978-5-04-099042-9

Колдунью Риготт увенчали короной и называют Паучьей Королевой, но ей всё мало. Она мечтает о большем: задуть солнце, будто свечку, или поднять в небо целый город и перевернуть его вверх тормашками! Она жаждет повелевать целым Миром! Только чтобы обрести могущество, ей не хватает сущего пустяка — гримуара принцессы Евангелины... Известно, что именно с его помощью маленькая принцесса натворила немало бед и даже уничтожила собственное королевство. К слову, сама Риготт сыграла в этом спектакле не последнюю роль. Но это было так давно, с тех пор проклятой книгой никто не интересовался до сегодняшнего дня! Неужели история скоро повторится?

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-099042-9

© Хромова А. С., перевод на русский язык,
2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Гоффинам:
Ким, Винни, Эндрю,
Мэтью и Хэйли.*

ПРОЛОГ

Мартэй покрепче стиснул рукоять своего слёзного меча и приготовился умереть. Теперь уже недолго. Знаменитые стеклянные стены цитадели Та-мен прочны, как камень, но натиска тварей Паучьей Королевы им долго не выдержать. Мартэй видел, как они кишат снаружи, пробуя здание на прочность. Витражные стёкла искажали чудовищные фигуры, создавая немислимо высокие силуэты с кривыми когтями и клыками, похожими на сталактиты.

«А может, это вовсе не искажение, — подумал Мартэй. Может, они и в самом деле так выглядят».

Он не впервые задался вопросом, как же так вышло, что он очутился здесь. Мартэй ведь никогда не хотел сделаться солдатом, не то что старшие братья. Он с детства мечтал о том, чтобы пойти в ученики к мастеру-стеклодуву и постичь все тайны, благодаря которым Люкс сделался самой богатой областью Сентиума. Однако его семья оказалась не настолько влиятельной, чтобы обеспечить ему желанное место. И, за неимением другого выбора, Мартэй записался в городскую стражу. Поначалу-то это была совсем неплохая жизнь. Та-мен-Бриль — город мирный, и монотонная муштра

и дежурства казались не такой уж великой ценой за благополучие Йонды и их малышки Викс. Ну да, детские мечты Мартэя так и остались мечтами, но в глазёнках дочери он обрёл новый смысл.

А потом весь их мир взял и рухнул.

Поначалу это были лишь слухи, и отмахнуться от них ничего не стоило. «Прекрасная колдунья с глазами как битое стекло. Кошмарные монстры. Целые города исчезают в одну ночь». Однако по мере того как Паучья Королева продвигалась всё дальше, пополняя ряды своей армии всё большим количеством ведьм, отрицать её существование становилось всё труднее. После того как Тимоф Клэн, предводитель воинства серых плащей, чуть было не погиб в яростной битве с нею там, далеко на севере, её армию видели в самых глухих местах: в шахтёрском городке, напрочь заросшем соснами; в последней оставшейся Ледяной Топи; среди руин сгоревшего древнего собора.

Риготт что-то искала.

Кураторы Люкса собрались в цитадели Та-мен и обратились к забытым текстам, написанным на мёртвых языках, в отчаянной попытке выяснить, что же так нужно их новому врагу. В результате исследований из подземных хранилищ достали небольшую шкатулку и поместили её под неусыпную охрану. Мартэй и сейчас видел эту шкатулку на другом конце зала, на высоком постаменте. Шкатулка была круглая, из красного носидиана, редкого и практически неуничтожимого кристалла, который формируется столетиями.

У шкатулки не было ни крышки, ни замочной скважины. Она явно не была рассчитана на то, чтобы её открывали.

По слухам, в шкатулке хранилась одна из четырёх частей древнего оружия, что звалось «Вулькера». Что это за оружие, какова его природа — не знал никто, известно было только, что, если че-

тыре его части снова соединятся, это наделит Паучью Королеву невообразимым могуществом. Ещё полгода назад Мартэй бы только посмеялся над подобной идеей. Но с тех пор магия вырвалась из сказок и вплелась в ткань их бытия. И теперь легендами и мифами пренебрегать было нельзя, какими бы фантастическими они ни казались.

Шкатулку надо было спасти от Риготт любой ценой.

Цитадель содрогнулась от оглушительного грохота — что-то ударило снаружи в высокие двери. Мартэй услышал, как стоящий справа солдатик — сын гибщика зеркал, если он правильно помнил, — невольно всхлипнул.

— Держись, парни! — вскричал верховный мечник Беллами, здоровенный, как медведь, дядька, с такой окладистой бородой, что там запросто можно было спрятать птичье гнездо. — Приказов не забывать!

Двери вздрогнули от нового удара.

Мартэй весь напрягся, готовясь к схватке. Солдат у него за спиной бормотал молитву себе под нос.

— Оружие к бою! — рявкнул Беллами.

Мартэй обнажил свой бирюзовый слёзный меч, чудо ковки по стеклу, прочный как сталь, но вдвое легче. Вылетая из ножен, клинок издал хрустальный звон. Мечник из Мартэя был в лучшем случае так себе, но седовласый ветеран по прозвищу Два Пальца заверил его, что мастерство имеет значение только на плацу. А в настоящем бою жизнь и смерть зависят лишь от инстинктов и удачи. Не сказать, чтобы сейчас это сильно утешало.

Через голову сына гибщика, который теперь уже не всхлипывал, а тихо плакал, Мартэй увидел, как среди чудищ, теснящихся вокруг внешних стен цитадели, появились новые фигуры, с виду человеческие.

Все новоприбывшие одновременно раскрыли книги, которые держали в руках.

— Г-г-гримуары, — выдавил сын гибщика, проследив направление взгляда Мартэя. Глаза у него метались, как искры, летящие с наковальни. — Вот как они называются. Мне коробейник рассказывал, который побывал на развалинах Гильдефройда. Он мне рассказал, что там произошло — что может натворить такая книжица в руках девицы, которая...

Высокие двери загрохотали ещё сильнее: как будто могучая буря отрастила себе руки и выучилась толкать. Солдаты изготавились к бою. Верховный мечник Беллами выкрикивал приказы. Люстра из мерцающего оскольчатого стекла раскачивалась из стороны в сторону, и зал то озарялся светом, то погружался во мрак.

«Вот они!» — подумал Мартэй, ожидая, что двери вот-вот распахнутся и в зал хлынет воинство Риготт. Он изо всех сил стиснул меч, представил себе лицо дочурки и...

Их атаковали с боков.

Мартэй только потом, восстанавливая в памяти случившееся, сообразил, как так вышло. Пока всё внимание солдат было приковано к дверям, монстры Риготт при помощи магии проникли сквозь внешние стены и ворвались в цитадель. Последовавшая за этим битва — если это вообще можно назвать битвой — закончилась за считанные минуты. Чудища Паучьей Королевы окружили захваченных врасплох солдат, точно смертная мгла, и не оставили после себя ничего, кроме трупов в доспехах.

Мартэй очнулся на полу. По животу расплзлось мокрое пятно. То ли его укусили, то ли когтём пронзили, то ли рогом... Всё произошло слишком быстро, он даже не успел осознать, что случилось. Он ощупал свою рану — рука неотвратимо окрасилась в алый цвет.

Двери распахнулись. В зал вплыла Риготт.

Её красота — неоспоримая, но пугающая — восхищала, словно пикирующий ястреб или пылающий костёр. На ней было безупречно-белое платье и перчатки до самых локтей. Её потрескавшиеся глаза переливались всеми цветами радуги, точно разбитый витраж, который некий безумец собрал как попало.

Вслед за нею в цитадель вступили три девочки. Две из них были неотличимы друг от друга: со странными, сизыми волосами и глазами, холодными, как полированные лунные камни. Третья чуть младше, с тёмным цветом кожи и беспокойным взглядом. Когда она увидела бойню в холле, губы у неё затряслись, точно она вот-вот разрыдается, но тут Риготт взглянула в её сторону — и лицо девочки застыло бесстрашной маской. Она пожала плечами, словно все эти смерти ничего для неё не значили.

«Делает вид, будто она такая же, как они, — подумал Мартэй. — Зачем?»

Риготт устремила взгляд на красную шкатулку в конце зала.

— Я отсюда чувствую силу грима! — сказала она и зашагала в ту сторону.

Похожие на кабанов чудища с обсидиановыми клыками расшвыривали тела, что лежали на пути Риготт, прокладывая узкую дорожку из одного конца цитадели в другой. Чьи-то зубы вонзились Мартэю в ногу и поволокли его в сторону. Он закусил губу, сдерживая крик, и заставил себя полностью обмякнуть, притворяясь мёртвым. Как только тварь отпустила его, Мартэй приоткрыл глаза, совсем чуть-чуть, и стал наблюдать за ведьмами сквозь ресницы.

— Все вон, — велела Риготт.

Зал снова наполнился движением: чудовища ринулись к выходу. Младшая девочка хотела было присоединиться к внезапному исходу, однако осколочные глаза Паучьей Королевы впились в неё, будто клещами.

— Все, кроме тебя, Сафи. Нам надо кое-что обсудить.

Зал опустел. Девочка осталась стоять с опущенной головой. Последними удалились близнецы, шагая чётко в ногу. Прежде чем затворить за собой высокие двери, они остановились, оглянулись на Сафи и обменялись понимающими улыбками.

В холле воцарилась гробовая тишина.

— Как печально, что нас сюда привели слухи и сплетни, а не одно из твоих видений, — сказала Риготт.

Сафи следовала за Паучьей Королевой, оставаясь на несколько шагов позади. С виду она держалась почтительно, однако Мартэй заметил её руку, замершую на гримуаре, заткнутом за пояс.

«Хочет, чтобы он был наготове на случай, если вдруг понадобится», — понял он.

— Я понимаю, что не оправдала ваших ожиданий, моя королева, — ответила Сафи, — но...

— Быть может, если бы мы искали один-единственный гримуар, я сочла бы твой промах... ну, не скажу приемлемым, но хотя бы понятным. Иголлка в стоге сена и так далее. Но ведь мы же искали не один гримуар! «Вулькера», как тебе прекрасно известно, разделена на четыре части, четыре грима. И уж конечно, за это время ты могла бы отыскать хотя бы один из них!

— Я уже близка к этому, — ответила Сафи. — Второй грим где-то неподалёку отсюда. Мне было видение прошлой но...

— Где?!!

— Мне нужно ещё немного времени.

— Ты и раньше так говорила! Ты постоянно твердишь одно и то же!

— Но мне же никогда раньше не приходилось управлять своими видениями, — оправдалась Сафи. — Неудивительно, что я иногда ошибаюсь!

— Не иногда, — отрезала Риготт. — Ты уже целый год таскаешь нас по всему Сентиуму. Если бы я не знала, что это невозможно, я могла бы заподозрить, что ты нарочно мне врёшь и тянешь время, чтобы твоя настырная подружка успела сама отыскать гримы!

Мартэй затаил дыхание: ведьмы прошли аккуратно рядом с его головой. Их каблуки звонко цокали по каменному полу.

— Кара Вестфолл мне никакая не подруга! — возразила Сафи. — Я же могла ей помочь тогда, у гробницы Клэна, но нет, я осталась на вашей стороне. Я служу вам и никому другому. Это правда, и вы это знаете — ведь вы были внутри моего разума!

Сафи изо всех сил старалась говорить твёрдо и уверенно, но Мартэю было слышно, что её голос испуганно дрожит.

— О да! И что это за удивительный разум! — сказала Паучья Королева. — Ни тени предательства, и даже ни капли сомнения! Каждая мысль — образец безупречной преданности!

Она погладила Сафи по голове запястьем руки, затянутой в перчатку.

— И подумать только, что некогда ты была моим врагом! Такая перемена — это просто... просто невероятно.

Мартэй рискнул чуть повернуть голову, чтобы лучше видеть — и оказался лицом к лицу с сыном гибщика. На лице юноши застыло слегка изумлённое выражение, как будто смерть стала для него сюрпризом, но не сказать, чтобы неприятным. Мартэй пожалел, что так и не узнал, как его зовут.

«Сколько ещё люксианцев погубило сегодня? А сколько ещё погибнет, пока она будет жить?»

Ярость заставила Мартэя забыть про боль в ране. Он медленно поднялся на ноги. В конце зала Паучья Королева, стоя к нему спиной, рассматривала шкатулку. Она провела рукой над крышкой, и с кончиков её пальцев дождём посыпались полупрозрачные чер-

вячки. Их кислотные тела без труда прожигали носидиан. От шкатулки валил чёрный дым.

«Вот он, мой шанс! — подумал Мартэй, подкрадываясь ближе. — Пока она отвлеклась!»

Риготт медленно стянула перчатки. Мартэй был уже близко, и заметил, что одна рука у неё — опухшая и уродливая, с багровым волдырём на ладони, словно от укуса. Она опустила здоровую руку в дыру, проеденную червями, и вытащила прямоугольную кожаную обложку. Та была розовая, с вытисненными на ней цветочными лепестками. Если бы Мартэй увидел содержимое шкатулки ещё вчера, то подумал бы, что кураторы, наверное, ошиблись. Не может этот кусок кожи быть оружием. Но теперь он знал, что ещё как может.

«Это обложка гримуара!»

— Я чувствую, как могущество струится в ней, точно подземная река! — сказала Риготт. — А ведь это всего лишь один грим. Когда я завладею всеми четырьмя...

Она обернулась к Сафи. Её губы скривились в жестокой усмешке.

— Я знаю, что ты лжёшь мне о своих видениях, Сафи. Ты каким-то образом научилась скрывать свои подлинные мысли, но ненависти в глазах ты скрыть не можешь! Ты нарочно пытаешься не допустить меня к моей книге!

Сафи попяtilась, сжимая свой гримуар уже обеими руками.

— Ну что за глупости, моя королева! — дрожащим голосом возразила она. — Я хочу лишь быть вашей преданной...

Риготт отмахнулась от всех её оправданий.

— Это не твоя вина! Ведь вся твоя жизнь была построена на обмане. «Делай то, что должно», «Помогай ближним»... Но ведь в этом нет никакой радости, одно лишь раболепное преклонение

перед ложными идеалами. Люди жаждут уничтожать друг друга! Ты оглянись по сторонам. Что ты думаешь, все эти мечи и луки придуманы для поддержания мира? Ну да, как же! Люди изобрели войны, чтобы иметь возможность убивать сколько хочется и называть это «честью»! Я, по крайней мере, своих намерений не скрываю. Я убиваю потому, что мне это нравится.

Мартэй сделал ещё шаг — Риготт вскинула голову, точно олень, слышавший в кустах хищника. Он так и застыл, в полной уверенности, что она сейчас обернётся и положит конец его жалкой попытке. Но ведьма продолжила говорить так, будто ничего не случилось. Мартэй едва не потерял сознание от облегчения.

«Ещё чуть-чуть!» — подумал он, продвигаясь вперёд. Руки у него тряслись, ему стоило огромного труда не волочить свой слёзный меч по полу. Кровь текла не останавливаясь, он слабел с каждой секундой.

— Когда «Вулькера» будет вновь собрана воедино, — говорила Риготт, — моя власть распространится на все умы разом, подобно лунным лучам. Что за дар я им принесу! Все люди наконец-то осознают, что «любовь» и «сострадание» — не что иное, как ложь. Они наконец-то поддадутся своей страсти к насилию и станут теми чудовищами, какими и должны были быть изначально. Нас ждёт новый, лучший мир, Сафи. А уж с твоей помощью или без неё — неважно.

Мартэй наконец-то подступил на расстояние удара.

«Ну!»

Он занёс меч, напряг руки, собираясь одним взмахом снести голову Паучьей Королеве. И не смог. Нечто холодное и чуждое вторглось в его разум. Он так и застыл на месте, не в силах шелохнуться. Риготт насмешливо обернулась, словно он был невоспитанным мальчишкой, который попытался пнуть её в лодыжку.

